

РЕФОРМЫ ГАЙДАРА: ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

Андрей НЕЧАЕВдоктор экономических наук, профессор,
министр экономики России
в 1992—1993 годы

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

С безвременным уходом Е. Т. Гайдара в обществе вновь возник интерес к его личности и, конечно, к его реформам. Этот интерес определяется не только тем, что «гайдаровские» реформы затронули судьбы миллионов людей, кардинально изменили облик страны, но и значимостью Гайдара как ученого и мыслителя, поставившего точный исторический диагноз советской империи и создавшего новую парадигму развития России. Без всякого преувеличения можно считать реформы правительства Гайдара ключевым шагом в масштабной экономической и политической модернизации России.

Что мешает нашим современникам адекватно воспринимать историческую фигуру Егора Гайдара? Во многом это идеологические мифы, созданные в консервативных кругах нашей властвующей элиты с целью дискредитации либеральных преобразований, мифы, которые на протяжении почти двадцати лет активно внедряются в массовое сознание. В последние годы стало особенно модным ругать 1990-е. Появился даже почти официальный термин — «проклятые девяностые».

Да, то десятилетие было сложным и неоднозначным. Нашим людям пришлось вынести немало бед и испытаний. Безусловно, были непоследовательность и ошибки в экономической политике, было противостояние прокоммунистического парламента и исполнительной власти, дорого обошедшееся экономике страны. Справедливости ради подчеркнем, что эти годы включают совершенно разные этапы, с различными мотивами принимавшихся решений и их последствиями. Объединять в одно целое начало рыночных преобразований в стране в 1991—1993 годах в ситуации краха СССР и полного разва-

ла экономики с залоговыми аукционами середины 1990-х годов, всевластием олигархов в конце 1990-х или с построением пирамиды ГКО и дефолтом 1998 года, мягко говоря, неправомерно. Однако, говоря об итогах 1990-х годов в целом, нельзя не признать, что они кардинально изменили облик России.

Рассмотрим коротко некоторые из упомянутых мифов.

Миф 1. Гайдар развалил экономику страны. Пожалуй, самый распространенный и самый несправедливый миф — «Гайдар развалил экономику страны и обобрал российский народ». Когда Е. Гайдар и его команда в ноябре 1991 года пришли к руководству экономикой страны, разваливать уже было фактически нечего. Экономика и так находилась в близком к коллапсу состоянии. Социально-экономическое положение стало резко ухудшаться еще на рубеже 1980-х годов. Быстрое падение цен на нефть после 1986 года поставило сырьевую экономику СССР на колени. В 1990—1991 годах потребительский рынок пытался сбалансировать за счет многомиллиардных иностранных кредитов, дававшихся западными правительствами под политические реформы М. Горбачева. После августовского путча 1991 года, когда власть фактически развалилась, иссяк и кредитный источник, оставив стране внешний долг более 60 млрд долл. А ведь именно на поставках зерна и продовольствия в счет кредитов в последние три года существования СССР базировалось практически все снабжение городского населения многими продуктами питания и другими потребительскими товарами. Сохранилась лишь гуманитарная помощь. Люди старшего поколения наверняка помнят посылки с гуманитарной помощью. Достаточно сказать, что даже армия в то время частично снабжалась продовольствием за счет гуманитарной помощи, включая консервы из запасов бундесвера. Трагедия, внешне походившая на фарс.

СМИ того времени, и наши, и зарубежные, без всякого журналистского преувеличения предрекали России зимой 1992 года голод, холод, остановку транспорта и даже голодные бунты.

В качестве иллюстрации положения дел позволю себе лишь несколько цифр и фактов. Дефицит потребительских товаров к концу 1991 года принял тотальный характер. В крупных городах запасы продовольствия в государственных ресурсах исчислялись несколькими днями. Остановка материальных потоков стала реальностью еще за несколько месяцев до прихода правительства Е. Гайдара к власти. Дефицит бюджета превышал 30% ВВП и почти полностью покрывался «печатным станком», то есть ничем не обеспеченной денежной эмиссией с соответствующими инфляционными последствиями. Ранее на эти цели были истрачены сбережения населения в Сбербанке, впоследствии формально замороженные правительством В. Павлова в рамках бездарной денежной реформы («сгоревшие» в результате реформ Е. Гайдара сбережения граждан — еще один миф, о котором расскажем чуть позже, — гореть, увы, было уже нечему). Прямой рост цен исчислялся десятками процентов в год. Скрытую инфляцию, выражавшуюся в массовом дефиците товаров в государственной торговле, характеризуют лишь приблизительные оценки экспертов.

Этот скорбный список фактов, иллюстрирующих полный развал экономики и финансов, можно продолжать долго. Интересующимся рекомендую прочитать книгу Е. Гайдара «Гибель империи»¹, в которой собрано немало красноречивых архивных данных на этот счет. Если для Вас важны личные впечатления непосредственного участника событий, отсылаю вас к моей

¹ Гайдар Е. Гибель империи. М.: РОССПЭН, 2006.

новой книге «Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики»², которая вышла в начале 2010 года.

Приведу здесь лишь два характерных факта. Мне кажется очень показательной справка начальника управления экономической безопасности КГБ СССР — организации, которая в те времена владела максимально полной информацией, — для высшего руководства страны. Справка эта датируется еще концом августа 1991 года, когда, заметьте, до прихода правительства Е. Гайдара оставалось два с половиной месяца: запасов продовольственного зерна в государственных ресурсах страны осталось в количестве, которое обеспечивало 250 г хлеба на душу населения. Это норма блокадного Ленинграда!

Или пример уже из моей собственной практики. Я был заместителем председателя валютно-экономической комиссии правительства, которая распределяла остатки валюты. Когда на первом заседании мне дали цифры, я был просто в шоке: все резервы правительства на тот момент составляли 26 млн долл. Даже у абсолютно несведущего читателя эта цифра вызовет улыбку — сейчас такой капитал имеет средний российский банк. Золотой запас «похудел» на две трети даже от уровня конца 1980-х годов. И это при 63 млрд долл. внешнего долга, по которому уже наступило время платить.

Именно на таком фоне начались в России рыночные преобразования, благодаря которым положение удалось кардинально изменить, а страшные угрозы отвести.

Миф 2. Реформы можно было проводить мягко и постепенно. Мне кажется, описанный драматизм положения в стране к концу 1991 года полностью развеивает другой распространенный миф о том, что страна могла без «хирургического вмешательства» преодолеть политическую и экономическую агонию конца 1980-х — начала 1990-х годов. К сожалению, время для «мягких», относительно безболезненных реформ в экономике было бездарно упущено за несколько лет до прихода Е. Гайдара и его команды в правительство.

Как можно было, например, не проводить либерализацию цен, которая уже опоздала к тому времени на несколько лет. Или отказаться от либерализации внешней торговли и хозяйственных связей внутри страны в условиях коллапса внутреннего рынка. Или не проводить политику финансовой стабилизации, а ценой запредельного дефицита бюджета поддерживать спрос на продукцию отечественных предприятий, разгоняя инфляцию, рискуя быстро перевести ее в неуправляемую и разрушительную гиперинфляцию. Анализируя тот период, об этом нельзя забывать. Необходимо знать и правильно оценивать истоки трансформационного кризиса.

Следует помнить и о другом. Теоретической базы, которая давала бы готовые рецепты для реформ, тогда не было. Человечество знало очень болезненные этапы перехода от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму, но не было завершено опыта, а соответственно и его теоретического осмысления, перехода от жесткой планово-распределительной системы советского образца, даже со всеми косметическими изменениями, которые она претерпела на рубеже 1980—1990-х годов, к системе рыночного хозяйства. Поэтому все, на что мы могли опираться, — это знание основных законов рынка. Был самый первый, еще не давший зримого результата, а лишь какие-то наметки, опыт Чехословакии и Польши, начавших аналогичные реформы года на два раньше нас. Кое-что из этого опыта мы заимствовали. Например, в аспекте насыщения рынка и создания рабочих мест,

² Нечаев А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М.: Астрель, 2010.

пусть даже временных, в Польше много дал указ о свободе торговли. И мы этот указ повторили, с определенными изменениями и адаптацией к нашей действительности. Это дополнительно помогло наполнить прилавки, хотя внешне, надо признаться, выглядело не всегда эстетично. Порой вызывало раздражение, когда люди стояли на улицах и торговали всем подряд. Первые частные киоски появлялись иногда в самых неподходящих местах, и с дизайнерской точки зрения они были далеки от совершенства, но это помогло насытить рынок и дало очень многим людям средства к существованию.

Я хотел бы особо подчеркнуть, что все эти разговоры про чикагскую школу и «фридменовских мальчиков» к реальным реформам не имеют почти никакого отношения. Безусловно, есть общепризнанные законы функционирования рынка, например свободные цены, свободные хозяйственные связи между производителями и потребителями, свобода торговли. Но значительная часть принятых нами мер, особенно на первом этапе, диктовалась не только теорией, а непосредственным развитием ситуации. Взять хотя бы решение о либерализации цен, которое затем критиковали многие наши оппоненты, говоря, что надо было сначала провести демонополизацию экономики и приватизацию, создать конкуренцию, а уж потом освобождать цены. Может быть, в какой-нибудь отвлеченной академической дискуссии я бы с этими аргументами частично согласился. Только надо понимать, что была конкретная ситуация ноября — декабря 1991 года: тотальный дефицит товаров, являвшийся следствием попыток сохранить контроль над розничными ценами, накопленный гигантский «инфляционный навес», когда было напечатано безумное количество денег, когда денежная масса увеличивалась на десятки процентов в месяц при практически полном отсутствии товаров в государственной торговле.

Формально основные розничные цены оставались замороженными, а оптовые цены освободило уже правительство В. Павлова. При этом предприятия, тогда *de jure* еще государственные, по закону о предприятиях уже получили высокую степень свободы в назначении тех же оптовых цен, зарплат, в формировании других доходов своих работников и т. д. И пользовались они этой свободой на всю катушку. В такой ситуации пытаться сдерживать розничные цены абсолютно бессмысленно. При свободных предприятиях и отпущенных оптовых ценах контролировать цены в рознице невозможно. Для этого нужны такие субсидии, которых в пустом госбюджете не было и в помине. А производить и реализовывать товары себе в убыток без дотаций ни один нормальный производитель не будет. И никакая теория за этим уже не стоит. Если бы мы сначала занялись демонополизацией в экономике, где практически каждое предприятие было монополистом и не было никакой конкуренции (проблема демонополизации и конкуренции, заметим, полностью не решена и до сих пор), то, боюсь, страна бы не пережила зиму 1992 года.

Проект указа президента и постановления правительства о либерализации цен был по поручению Гайдара написан мною. Кстати, мы пытались тогда соблюсти некоторую этапность освобождения цен, в отсутствие которой нас упрекают оппоненты. Вначале на часть товаров, в том числе на нефть, на некоторые товары первой необходимости, например на молоко, и на услуги «естественных монополий» мы не освободили цены, а ввели нормативы роста, что, как показал дальнейший опыт, было ошибкой. По мере того как рынок насыщался, именно эти товары оказались в дефиците. Надо было освобождать сразу все цены, за исключением отдельных тарифов монополий.

Миф 3. Из-за Гайдара сгорели вклады населения. Третий миф состоит в том, что банковские вклады населения «сгорели» в результате политики кабинета Е. Гайдара, хотя, видит бог, наше правительство здесь ни при чем. На самом деле никаких сбережений давно не было. Есть цифры, есть докладные записки В. Геращенко, когда он был председателем советского Госбанка, доклады руководства Сбербанка о том, в каких объемах банк кредитует правительство, в том числе для выплаты дотаций на разницу цен сельхозпродукции. Чтобы удержать розничные цены, продукты закупались по одним ценам, а продавались значительно дешевле. Во многом это финансировалось за счет средств Сбербанка. И все сбережения давно уже были проедены. Остались только записи по счетам. Это с одной стороны. С другой — они были абсолютно обесценены тем инфляционным навесом, о котором я уже говорил. Реально купить на эти деньги товары по фиксированным ценам было невозможно, что само по себе стало главным фактором быстрого роста сбережений. Правительству достало мужества констатировать этот факт и сделать его из скрытого явным. Прямые компенсационные меры тогда были абсолютно невозможны. Это только разогнало бы инфляцию и обесценило уже сами компенсации.

Наверное, нужно было больше объяснять людям реальное положение дел, а также искать какие-то принципиально иные решения по компенсациям. Я сам предлагал, правда уже правительству Черномырдина, компенсировать для желающих сбережения ваучерами, то есть приватизируемой госсобственностью, но не был услышан. Это было бы с точки зрения инфляции абсолютно безболезненно и социально справедливо. И тогда тяжелая проблема не висела бы до сих пор.

Миф 4. «Авантюра» с ваучерами. Любопытно, что, когда формировалось правительство, рассматривался и вариант назначения А. Чубайса на должность министра промышленности, а не министра государственного имущества. Но Гайдар считал, что приватизация гораздо важнее, и потому для Анатолия Борисовича выбрано было неблагодарное поприще главного приватизатора. Возможно, если бы Чубайс стал министром промышленности, вся история приватизации в России сложилась бы несколько иначе. Однако приватизация была необходима. Именно приватизация является примером не экстренных мер, не латания дыр, а создания новой экономики, чем активно занималось наше правительство.

Массовая приватизация, кстати, началась не в 1992 году, а позже. В 1992 году создавались только ее нормативные и законодательные основы. Та модель приватизации, которая в итоге появилась, была плодом разного рода компромиссов. Главный из них — компромисс с реальностью. Первоначально в основу процедур приватизации заложили так называемые приватизационные счета. В какой-то момент выяснилось, что Сбербанк просто не в состоянии выполнить все связанные с их применением процедуры, почему мы и обратились к чешскому опыту приватизационных чеков. Наряду с этим был компромисс с Верховным Советом, который обладал в то время огромной властью. Всякого рода льготы трудовым коллективам — все это были инициативы Верховного Совета. Понимая важность приватизации, Чубайс и другие ее идеологи шли на компромиссы, хотя, конечно, это резко снижало эффективность приватизации и заведомо закладывало основы будущего перераспределения собственности, ведь трудовой коллектив получал контрольный пакет почти бесплатно. При таком подходе нельзя было говорить ни о фискальном интересе, ни об эффективности. Но все-таки эти компромиссы помогали как-то сдвигать процесс с мертвой точки.

Появление в стране в результате приватизации частной собственности, без которой невозможно развитие рыночной экономики, — свершившийся факт. Нельзя не вспомнить и о том, что ваучерная схема приватизации дала мощнейший толчок развитию рынка ценных бумаг. Ваучер стал первой массовой ценной бумагой в постсоветской России.

Правда. Беда политических компромиссов. Ошибкой Б. Ельцина было то, что он решил, что реформы будет проводить «технократическое» правительство, которое не должно заниматься политикой. Мы согласились — и в итоге политика занялась нами. И многие очень вредные для экономики компромиссы носили как раз политический характер. Нельзя было допускать ослабления финансовой политики после первого этапа реформ. Здесь Борис Николаевич проявил определенное малодушие. Ведь инфляция весной 1992 года начала успокаиваться. А потом смена председателя ЦБ, взаимозачеты, безудержное кредитование сельского хозяйства под напором А. Руцкого, которому поручили эту сферу, промышленные кредиты, которых требовал А. Вольский. На наше правительство давили со стольких сторон, что эту лавину требований денег без поддержки президента сдержать не удалось. В результате к осени произошел сильный скачок инфляции, который в значительной степени обесценил первый этап финансовой стабилизации и вызвал разочарование в реформах, хотя в апреле 1993 года на референдуме граждане все же поддержали экономическую политику правительства. В октябре 1992 года пришлось закручивать финансовые гайки во второй раз, а это гораздо труднее. Может быть, когда требования к правительству печатать и раздавать деньги стали расти как снежный ком, нам следовало подать в отставку или потребовать чрезвычайных финансовых полномочий. Но допущенные компромиссы — это скорее проявление политической слабости правительства Е. Гайдара, а не ошибочности проводившейся им политики.

Еще раз хочу подчеркнуть, что наше правительство было сориентировано на решение экономических задач. За политические ошибки несет ответственность политическое руководство страны. Главная из этих ошибок — попытка договориться с бывшей партийно-советской номенклатурой по формуле обмена власти на собственность и недооценка необходимости создания партии среднего класса. В дальнейшем это привело к серьезным деформациям в политической и экономической системе страны.

Реальность. Были ли альтернативы? Как в начале реформ, так и сегодня активно дискутируется вопрос — а был ли принципиально иной путь? Например, китайский или латиноамериканский.

Постепенные реформы Дэн Сяо Пина базировались на мощном государственном механизме, основанном на единовластии Компартии Китая и готовности «стальной рукой» подавлять любые проявления социального протеста (вспомним расстрел студентов на площади Тяньаньмэнь). Нечто подобное в другой части света продемонстрировал нам генерал Пиночет, с именем которого связывают успехи экономических преобразований (кстати, либерального толка) в Чили. В СССР подобное политическое положение было на этапе реформ Косыгина 1960-х годов, весьма скромных по своим замыслам с точки зрения изменения планово-административной системы управления и, тем не менее, быстро свернутых именно по политическим соображениям. В СССР и в России конца 1991 года не было даже подобия такого государственного механизма. Государственная власть просто развалилась. К счастью, не было и войск, готовых стрелять в народ, а также политических лидеров, способных отдать такой приказ.

В ряде латиноамериканских стран (в первую очередь в Аргентине) опробовалась социально-экономическая модель, часто называемая государственным капитализмом. Она очень близка к той концепции, которую на практике реализует в последние годы наша власть. Успешных примеров, длившихся долго, мы, увы, не найдем. Очень хотелось бы учиться на чужих ошибках, а не делать собственных.

Желающие могут ознакомиться с анализом применимости китайской или латиноамериканской модели для России начала 1990-х по книгам Е. Гайдара («Долгое время» и «Гибель империи») и моим («Кризис в России: кто виноват и что делать» и «Россия на переломе»)³.

В 1991—1992 годах альтернатива была такая (она, кстати, предлагалась рядом политиков из окружения Ельцина, а чуть ранее — членами ГКЧП): комиссары на заводах и в колхозах, тотальная карточная система, не исключено, что на уровне военного времени, если говорить о наполнении этих норм. Одним словом, военный коммунизм, включая продрозверстку с насильственным изъятием зерна у крестьян. И это на рубеже XXI века! Всерьез анализировать подобные абсурдные предложения даже не хочется. Чем такая политика закончилась в 1918—1919 годах, мы помним. Повторить ее в начале 1990-х было бы величайшей ошибкой, которая неизбежно привела бы к новой трагедии.

Другой путь, предложенный и в конечном счете реализованный нами, — максимальная либерализация экономики, в том числе освобождение цен, либерализация хозяйственных отношений и торговли, свобода внешнеэкономических связей. Одним словом, быстрый запуск рыночных механизмов. О необходимости подобных мер говорили давно, но не было политической воли на них решиться. Какие-то нюансы в этой политике могли быть. Например, понимая, что в стране высокая инфляция, мы сделали ставку на косвенные налоги, которые при инфляции «работают» гораздо лучше, чем прямые, и ввели НДС. Может быть, кто-то другой ввел бы, например, налог с продаж. Возможно, ставка НДС была бы иной. Главное в том, что если избран путь не закручивания гаек, а либерализации экономики, то набор соответствующих мер становится концептуально заданным.

Реальность. Преодолена угроза развала экономики, распада России и гражданской войны. Когда на политическом уровне было принято решение о формальном роспуске СССР (*de facto* он развалился после августовского путча), правительство Е. Гайдара смогло в политическом и экономическом плане организовать цивилизованный «развод» с другими советскими республиками. Если бы это не удалось, весьма вероятно, что нам пришлось бы повторить судьбу Югославии — только в стране, под завязку нашпигованной оружием, в том числе ядерным. И если стратегические ракеты еще как-то могли контролироваться из Москвы, то тактическое ядерное оружие находилось в военных округах, и гарантий, что оно не будет применено или продано, не было никаких. Думаю, что даже наши самые яростные критики должны согласиться, что тогда удалось предотвратить абсолютно реальную угрозу голода, хаоса, ядерной войны, цивилизованно, насколько это было возможно, «развестись» с другими республиками, поскольку СССР, без сомнения, был уже обречен.

Угроза распада России вслед за роспуском СССР тоже была вполне реальной. Автору этих строк вместе с Е. Гайдаром вскоре после прихода в прави-

³ Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело. 2005; Гайдар Е. Гибель империи; Нечаев А. Кризис в России. Кто виноват и что делать? М.: Астрель; Русь-Олимп, 2009; Нечаев А. Россия на переломе.

тельство пришлось вести тяжелейшие переговоры с Татарстаном и рядом других автономных республик, настаивавших на своем полном экономическом суверенитете, реально угрожая требованиями политической независимости. Мы часто обсуждали с Гайдаром вопрос о сделанном нами в те тяжелейшие месяцы. С годами Егор все чаще говорил, что наша главная историческая заслуга в том, что мы не допустили гражданской войны в стране. Гайдар реально спас Россию от голода, хаоса, развала и возможной гражданской войны. За одно только это потомки еще скажут ему великое спасибо.

Реформы правительства Егора Гайдара — это конец 1991 и 1992 год. И то, что была преодолена реальная угроза голода, хаоса, остановки производства и, возможно, гражданской войны — безусловный успех этих реформ. То, что к концу 1992 года, несмотря на высокую инфляцию, проблема выживания населения и страны в целом уже не стояла — несомненный успех, так же как и то, что население получило право экономического выбора. Не чиновник теперь решал, как людям жить, а сам потребитель получил возможность диктовать экономике, как ей развиваться, предъявляя самый главный аргумент — спрос (правда и то, что у значительной части населения финансовые возможности для этого спроса были вначале очень ограничены). Экономика стала развиваться по нормальным, опробованным во всем мире законам.

Реальность. Создание основ новой российской государственности. Коллапс в экономике был не единственной нашей бедой. После распада СССР многие государственные институты в России не функционировали или вовсе отсутствовали. Не стоит забывать, что во времена СССР РСФСР почти полностью управлялась союзным центром. У России, например, фактически не было ни центрального банка, ни таможни, ни армии, ни полноценного внешнеполитического ведомства, ни того самого «печатного станка», ни других институтов, определяющих государственную систему суверенной державы. *De facto* даже границы страны были полностью прозрачны. Нужно было брать под контроль союзные ведомства, которые ранее управляли и экономикой, и внешней политикой, и обороной Российской Федерации. За чрезвычайно короткий отрезок времени (всего несколько месяцев) правительству Ельцина—Гайдара удалось восстановить работоспособность полностью разваленной после путча государственной машины, настроить ее на решение задач социально-экономических реформ, заставить ее служить интересам независимой России. Многие институты приходилось создавать с нуля (например, таможню, органы валютного контроля), уже с ориентацией на развитие рыночной экономики.

Решение перечисленных, запредельно сложных проблем требовало радикальных и часто крайне непопулярных мер, наиболее болезненной из которых стала для населения либерализация цен. Показательно, что весьма авторитетные в то время политические деятели отнюдь не рвались тогда в правительство, страшась колоссальной ответственности и понимая, что крайне непопулярными, хотя и абсолютно необходимыми мерами, они перечеркнут свое политическое будущее. Не случайно журналисты довольно быстро окрестили наше правительство «правительством камикадзе». Гайдар этой ответственности не испугался. Будучи человеком не по годам мудрым (в момент прихода в правительство ему было 35 лет), он понимал, что надолго обрекает себя на беспощадную критику, даже на несправедливые ненависть и проклятия, поскольку именно с его именем будут ассоциироваться все объективные тяготы реформы в разваленной стране. Гайдар нес этот крест мужественно и с достоинством. Для него долг, служение отечеству

в самом высоком смысле слова были неизмеримо важнее личных проблем. Но рубцы на сердце появлялись и в итоге безвременно унесли его в могилу в расцвете творческих сил.

Реальность. Создание основ рыночной экономики. Наконец, при Е. Гайдаре были созданы основы рыночной экономики. Рыночные механизмы позволили не только решить проблему развала рынка и голода, навсегда избавить людей от понятия дефицита, карточной системы и т. п. Эти механизмы дали толчок развитию предпринимательства, сделали производство и торговлю ориентированными на реальные запросы граждан, а не на некие гипотетические цели, задававшиеся руководителями ЦК КПСС и Госплана. И если бы процесс реформ не был остановлен по политическим соображениям, мы жили бы сейчас в совершенно другой стране — куда более процветающей, с гораздо меньшим уровнем социального неравенства и коррупции, с реальным средним классом.

За фантастически короткий срок Гайдару удалось создать ключевые рыночные институты — частную собственность, свободное ценообразование и хозяйственные связи между экономическими субъектами, конвертируемость рубля, основы фондового рынка и многое, многое другое. Благодаря этим институтам, пройдя через несколько лет испытаний и кризисов (во многом вызванных ошибками и колебаниями последующих властей), Россия в начале 2000-х годов вступила в период уверенного экономического роста, повышения уровня жизни. Слава и благодарность народа достались уже совсем другим политикам. Для истории это нормально. Ненормально другое — когда эти политики делают вид, что не знают истинных истоков экономического рывка страны, принесшего им популярность. Огульное очернение «проклятых девяностых» с высоких трибун и в полностью подконтрольных ныне власти СМИ выглядит не просто несправедливым, а откровенно подлым. Правда, после кончины Е. Гайдара этот поток необоснованной критики и откровенной лжи несколько поиссяк. Хамская статья Лужкова—Попова стала скорее исключением, чем правилом.

Реальность. Гайдар и сегодняшняя власть. Несмотря на значительный прогресс в экономике в последние годы, ситуация в стране весьма далека от идиллии. Нынешний кризис продемонстрировал это со всей очевидностью. Лившийся на нас дождь нефтедолларов убаюкал власть, дав ей чувство самоуспокоенности и благодушия. Время для крайне необходимых для страны реформ (здравоохранения, пенсионной системы, ЖКХ, армии и многих других сфер) было бездарно упущено. В изменившихся экономических условиях эти реформы в очередной раз пройдут более болезненно, чем если бы они проводились ранее, но избежать их нам все равно не удастся. В качестве примера упомяну хотя бы растущую необходимость повышения пенсионного возраста для предотвращения коллапса пенсионной системы.

Нынешняя власть все чаще начинает повторять ошибки своих советских предшественников. Вновь появились признаки имперских амбиций. А они требуют огромных затрат и уже однажды похоронили Советский Союз. И теперь Россия опять наступает на те же самые грабли. СССР созрел для реформ еще в 1960-х годах, но Чехословакия как политический и Самотлор как экономический факторы отсрочили политические реформы на 15 лет, а экономические — на 20 лет. И собственно рушиться Советский Союз начал *de facto* в 1986 году, когда после вступления наших войск в Афганистан в рамках реализации геополитических планов тогдашнего советского руководства Саудовская Аравия не без участия США перестала сдерживать темпы добычи нефти. После этого цены на нее упали в разы, что стало для

СССР началом конца — он вскоре оказался банкротом. Сегодня мы повторяем ту же ошибку. Паразитируя на высоких ценах на нефть и на настолько благоприятной ситуации с бюджетом, которая ни одному предыдущему правительству и не снилась, мы вновь пытаемся стать «затычкой в каждой бочке», ссоримся со своими потенциальными союзниками. Стоит посмотреть на динамику и структуру бюджета в последние годы — гигантский рост расходов на оборону и правоохранительные органы. Это почти что бюджет страны, готовящейся к войне.

Гайдар не раз указывал и на ошибки власти, и на необходимость упомянутых выше реформ, предлагал конкретные решения. Увы, делегируя «наверх» свои идеи, он не мог делегировать и свою политическую волю, чувство долга, способность взять на себя груз ответственности за непопулярные меры. Для Гайдара первичным было благо страны. Для многих современных политиков — рейтинги популярности и сохранение собственного кресла.

Гайдар был истинным патриотом России в подлинном смысле этого слова. Многие журналисты, да и друзья часто спрашивали его в последние годы о том, почему он, видя очевидный отход нынешнего режима от многих демократических ценностей, его ошибки в экономической политике, активно откликается на просьбы властей о помощи и советах. Подоплекой этого вопроса был упрек в том, что демократ и либерал помогает спасти от краха явно недемократический и антилиберальный режим. Гайдар всегда отвечал, что он уже пережил ситуацию реальной угрозы хаоса и развала страны и не хочет ее повторения в результате ошибок даже не лучшей власти. Слишком дорого их исправление обходится нашим гражданам.

Наследие Гайдара. У людей короткая память на плохое. Многие представители старшего и среднего поколения забыли реалии конца СССР — унижительные простаивания в многочасовых очередях и реальные битвы за батон хлеба, низкокачественной колбасы и за другие товары первой необходимости, даже при наличии на них карточек. А молодежь, к счастью, вообще не имеет подобного личного опыта. Дарованные нам рыночной экономикой обыденные вещи — возможность купить любые товары и услуги в пределах своих доходов или в кредит, открыть собственное дело, поехать отдыхать или учиться за границу, свободно купив для этого валюту, право свободно перемещаться по стране для поиска лучшей работы и многое, многое другое, кажутся ныне абсолютно естественными и само собой разумеющимися. И это замечательно. Просто нелишне вспомнить, что в начале 1990-х годов Е. Гайдару и его товарищам пришлось серьезно бороться за создание этих возможностей.

Егор Гайдар был без толики преувеличения самым талантливым и эрудированным из современных российских экономистов. В любой сугубо научной или публичной дискуссии его слово становилось решающим. И точки над «i» он расставлял без тени менторства или самолюбования. Сегодня часто говорят, что в нашей стране нет авторитетов. У своих товарищей и даже у недругов Гайдар пользовался безусловным и непререкаемым авторитетом. Гайдар ушел. К счастью, остались его книги, статьи, выступления. Он был не только глубоким ученым, но и блестящим публицистом. Читайте эти работы. Вас ждут огромное удовольствие и великое знание.

С 1992 года прошло 18 лет, и за эти годы было сделано множество ошибок. Хотя, безусловно, было и поступательное движение: сейчас в стране совсем другая экономика. Это заслуга людей, которые работали в правительстве после нас, хотя фундамент для них заложили именно мы. Поэтому говорить о том, что не следовало вообще начинать реформы, поскольку потом было

совершенно много ошибок и были даже получены определенные негативные результаты, — по меньшей мере некорректно.

Что касается общественного сознания, то оно устроено очень специфическим образом. Даже если человек помнит, как в 1991 году дрался в очереди за кусок сыра или мороженой рыбы, то думать об этом ему как-то не хочется. Неприятное человек зачастую или не помнит, или старается не вспоминать. И в значительной степени все эти очереди, карточки, талоны уже забылись. Слава богу, что отсутствие дефицита воспринимается сегодня людьми как абсолютно обыденное и нормальное состояние. Но вместе с карточками иногда забывают и о роли тех, кто их ликвидировал.

Людвиг Эрхард в современной Германии — фигура каноническая, почти что святой, отец немецкого экономического чуда. А когда он был министром экономики и начинал реформы в разоренной войной Германии, не клеймил его только ленивый. В глазах профсоюзов он был врагом нации номер один. На Эрхарда даже были покушения. История расставляет свои оценки по прошествии времени, порой очень долгого.

С точки зрения экономического роста и инвестиций гайдаровские реформы дали результат далеко не сразу. Не пытаясь примазаться к чужой славе, я, тем не менее, убежден, что позитивное, несмотря на целый ряд проблем, развитие экономики, начавшееся в 1999 году, — это во многом результат реформ 1992 года. В стране сформирована рыночная экономика, несмотря на все ее известные перекосы. Существуют частная собственность и предпринимательство. Создана и постоянно совершенствуется законодательная база. Страна стала частью мировой экономики — со всеми ее плюсами и минусами. Россиянин имеет возможность сам определять свою жизнь и жизнь своей семьи, а в итоге и развитие экономики страны. И в этом главная заслуга реформ, начатых Егором Гайдаром в 1992 году.